

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации |

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

Украина, Киев.

Государственная академия кадров культуры и искусств.

Кандидат философских наук, доцент, докторант.

Ukraine, Kiev.

National Academy of Personnel Management / Center of Arts and Culture.

Department of Theory and History of Culture. PhD, Senior Lecturer.

darenskiy@yahoo.com

ИМПЕРИЯ-ДОНОР: НРАВСТВЕННЫЙ ПОДВИГ КАК ОСНОВА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Автор рассматривает специфику Российской Империи как феномена массовой самоорганизации людей в ее нравственных измерениях. Предлагается понятие «имперского человека» для определения особого экзистенциального типа человека, действующего в истории. Исследуются исторические корни русского национального характера как основы русского типа «имперского человека». Понятие «империи-донора» предложено в качестве метафорической спецификации российской государственности.

Ключевые слова: империя, Россия, нравственное, цивилизация, донор

Empire as a Donor: Moral Exploitation as the Basis of Russian Civilization

The author considers the specifics of the Russian Empire as a phenomenon of human, mass self-organization in its moral dimensions. The concept of the “Man of Empire” is proposed as a definition of some existential types of the actors of history. The historical roots of the Russian national character are investigated here as a basis of the Russian types of the “Man of Empire”. The concept of “Empire as a donor” is proposed for a metaphoric specification of this type of the State.

Key words: empire, Russian, moral, civilization, actor, donor

Русский братается в полном смысле слова...

Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми расами... к чему англичане никогда не были способны.

Лорд Дж. Керзон, вице-король Индии¹.

Великодержавие было дано Московии, расположенной на суглинке, где ничего не росло кроме репы и редьки, где восемь месяцев зимы и четыре месяца бездорожья.

Академик Н. А. Нарочницкая².

Понятие «империи», как справедливо замечает В. Л. Махнач, — «одно из самых десемантизированных понятий в современном языке»³. Тем не менее, в настоящее время оно оказалась неожиданно востребованным при попытках кон-

цептуализации идеи единства человечества на глобальном уровне — но единства, основанного не на принципе господствующий центр / отсталая периферия, а на принципе равного участия в творческом единстве цивилизации. В частности, в известном исследовании М. Хардта и А. Негри понятие «Империи» трактуется как универсальный порядок, не знающий границ и пределов; однако на место порядку Империи глобальной эксплуатации и контроля, управляющих современным миром, они предлагают альтернативную парадигму подлинно демократического глобального общества⁴. И сколь бы утопичной не была эта неомарксистская мечта, она действительно опирается на истинный смысл понятия Империи, только благодаря которому эти формы политической жизни и развития цивилизации в целом и существовали в истории. *Смысл существования Империи — в интернациональном участии в общем творчестве цивилизации, имеющей мировое значение.* Такое участие в принципе невозможно в рамках замкнутых этнических общностей — и именно поэтому самые активные и талантливые представители разных этносов и создавали империи: им было необходимо именно такое пространство.

¹ Цит. по: Кожин В. В. Россия как уникальная цивилизация и культура // Кожин В. В. Победы и беды России. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 15.

² URL: <http://www.narochnitskaia.info>

³ Махнач В. Л. Империи в мировой истории // URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoc/mahn2.htm>

⁴ См.: Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.



ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации |

В настоящее время, когда исторические империи разрушены (хотя США и пытаются выполнять функции глобальной квазиимперии, но на самом деле действуют, скорее, лишь по модели классического «колониального центра»), возникла вакансия этого общего пространства участия в мировой цивилизации: кто и что сможет ее создать? Опыт классических империй в этом отношении оказывается совершенно незамеченным с точки зрения понимания механизмов создания такого пространства, поскольку, как справедливо отмечал А. Н. Окара, «империя — это прежде всего... манифестация какой-либо универсальной глобальной истины... Любая традиционная империя утверждает тот или иной героический сверхчеловеческий идеал... осознает уникальность своей исторической миссии, имеет эсхатологическую перспективу и манифестирует свои трансцендентные устремления»⁵. Империя как высшая историческая форма бытия нации была не только феноменом политическим, социально-экономическим, военным и локально-цивилизационным, но и феноменом духовно-экзистенциальным — и именно последний составлял основание всех остальных, поскольку без культивирования определенного «человеческого типа», который может быть назван «имперским», создание любых имперских политических, экономических, цивилизационных и других структур было в принципе невозможным. Он являлся их живым носителем, который иначе и не мыслит свою историческую и нравственную самореализацию. В свою очередь, разрушению этих структур, падению империй всегда предшествовало иссякание и почти полное исчезновение этого человеческого типа.

Этимологическое слово *imperiū* обозначало область распространения чьей-либо воли; соответственно, слово *imperator* первоначально применялось к удачливым военачальникам, обладавшим особой харизмой. Перенос этого термина в намного более широкий контекст — для обозначения особого типа государственного устройства и правления был связан с необходимостью отличить его от обычных государственных образований типа полисов и небольших царств, представлявших собой, по сути, просто самоорганизацию местных территориальных общин. Империя же — это образование, не связанное напрямую с достижением лишь прагматических выгод для ее населения (хотя впоследствии они оказывались очень существенны — и для провинций не менее, чем для метрополии). Это, в первую очередь, *деяние чистой воли, проявление исторической свободы личности и народа, действующих за пределами естественной необходимости, движимых принципиально непрагматическими, ценностными мотивами*. (Поэтому же и глубоко закономерно, что именно империи были создателями новых форм свободы в обществе и культуре: преодоление рабовладения в Римской Империи; институты прав личности, созданные в Британской и Французской Империях, наконец, самое глубокое раскрытие духовной свободы в русской литературе и философии). Человек Империи как таковой никогда не действует, исходя лишь из естественной необходимости и выгоды, но в первую очередь он исходит из чувства долга, а главное — *из императива наполнения жизни новым ценностным*

содержанием. Поскольку же императив (понятие, однокоренное слову империя) — всегда универсалистичен, то имперское деяние стремится охватить всю Ойкумену. Еще в античную эпоху формируется человек Империи именно как особый экзистенциальный тип, о котором А. Ф. Лосев писал следующим образом: «Мелкие полисы объединялись в огромные монархические организации... а для обслуживания такой разросшейся государственной системы понадобилась и тонко развитая личность». Но «однажды вызванная к жизни новой общественно-экономической основой, личность уже не могла ограничиваться только государственными функциями. Она тут же начинала углубляться уже в свое собственное, чисто субъективное самочувствие». И чем больше развивалась имперская государственность, «тем больше крепили углубленная и уточненная лирика и весьма изощренный эстетический вкус. При этом, как всегда, лирики презирали государственных дельцов, а эти последние ставили ни во что лириков; а тем не менее те и другие были продуктом одного и того же развития... требовавшего для себя уже не наивной, но глубоко развитой человеческой личности и активного самоутвержденного субъекта»⁶. Тем самым, глубоко закономерно, что все великие литературы, имеющие мировое значение, были имперскими литературами — они выражали тот же самый подвижнический дух созидания смыслов, который двигал создателями великих государств.

Уже Древний Рим породил своего самого имперского по духу поэта — Вергилия, глубоко осмыслившего особое призвание римского народа, и выразившего имперский дух его всемирного по размаху деяния в «Энеиде»: *«Пусть другие тоньше выкуют дышащую бронзу, живыми выведут облики из мрамора, лучше будут говорить речи, тростью расчертят движение небес и предскажут восходы светил — ты же, римлянин, помни державно править народами, и будут искусства твои: налагать обычаи мира, щадить покоренных, а заносчивых смирать оружием»* (Эн. VI, 847–853). Как пишет М. Л. Гаспаров по поводу цитированного отрывка, «эти слова замечательны: поэт говорит о Риме, но в поле его зрения — весь круг земной... Эгоцентризма (на этот раз национального) нет и здесь. Римляне — народ избранный, но не потому, что он лучше других, а потому, что он способен поддерживать мирное единство всех остальных народов»⁷.

В свою очередь, В. Л. Махнач уточняет, почему именно Риму удалось стать имперским центром Средиземноморья: «Рим создал идею универсальной империи как идею общего блага. Рим не навязывал принципов организации хозяйства, торговли, существования рабства или отсутствия такового... Романизация — это дороги, почты, акведуки, водопроводы... Западная Европа только к рубежу XIX–XX вв. начала в крупнейших городах доставлять на душу населения столько воды, сколько доставлялось в Риме. И такое навязывание всеми, безусловно, воспринималось как общее благо. Истребление пиратства, организация судоходства — безусловно, *общее благо* для всего Средиземноморья... Рим, безусловно, правил под

⁵ Окара А. В поисках имперской перспективы // Независимая газета (Содружество НГ). 2000. 25 октября. С. 9.

⁶ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2-х кн. Книга 1. М.: Искусство, 1992. С. 409–410.

⁷ Гаспаров М. Л. Вергилий, или поэт будущего // Гаспаров М. Л. Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000. С. 144.



ДАРЕНСКИЙ Vitaliy Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации |

лозунгом *единства во имя общего блага*. И этого хватало до тех пор, пока сохранялся имперский этнос⁸. Последнее обстоятельство составляет общий закон существования империй: они живы, пока жив главный этнос-интегратор и он показывает «модель» жизни для других. Есть и еще два базовых закона бытия империй.

Как справедливо отмечает В. Л. Махнач, «ряд государств в мировой истории даже напрямую называли себя империями, но таковыми не являлись. Безусловно, *самозванкой* была так называемая *Британская империя* — обычная колониальная держава, имевшая основания на свое наименование ничуть не большие, чем, например, Нидерланды⁹. В чем же разница? Разница в том, что колониальная держава — это большое коммерческое предприятие, созданное для выкачивания богатств (фактически прямого грабежа) из завоеванных заморских территорий. А Империя — это содружество народов, созданное для защиты от внешних врагов своих святынь и для развития своей самобытной цивилизации. «Британская империя» — это просто одна большая Ост-Индская компания, а отнюдь не Империя в подлинном смысле этого слова. Британцы не вступали ни в какое содружество с индусами, африканцами, австралийскими аборигенами и канадскими индейцами — наоборот, они их истребляли по мере возможности в случае малейшего неповиновения. Крестьянин-мордвин мог стать патриархом Московским Никоном, простой малороссийский казак Алексей Розум — мужем российской Императрицы, а другой казак, Сашко Безбородько — канцлером Империи, без которого, как говорила Екатерина II, «в государстве никакие дела не делаются». А мог ли чем-то подобным стать, например, вождь африканского или австралийского племени в Англии?

Третий закон, о котором пишет названный автор, касается «механизма» образования империи из различных этносов. Суть его в следующем: «Если схематизировать этническую структуру некоей обобщенной империи, то правильнее сказать, что ее населяет большой народ, несколько средних и известное количество малых. Так вот, для огромной части населения империи эта последняя — защитница малых от агрессии средних. Универсальный исторический закон, работающий в пользу империй, я бы сформулировал так: «*малый*» всегда с «*большим*» против «*среднего*»... Можно проверить это, отправившись в Угорскую Русь, в Закарпатье. Там прилично относятся к русским, весьма прилично к немцам, ничего дурного о них, австрийских властителях, не помнят. Но при слове «мадьяр»... я, пожалуй, воздержусь от цитирования русинских пословиц по их поводу. А все почему? При превращении Австрии в Австро-Венгрию территория досталась венграм. Венгры — не злодеи, конечно, а просто *средний народ, не имеющий имперских навыков*. И это тут же чудовищно ужесточило положение малых¹⁰. Тем самым, можно сказать, что империя — это взаимовыгодный союз одного этноса-интегратора с множеством малых этносов, становящихся под его защиту от агрессии тех этносов, которые хотя и крупнее, но в силу своих качеств не смогли стать интеграторами. Но впоследствии именно эти «средние»,

как показывает история, в силу своих неудовлетворенных амбиций, становятся важнейшей силой в процессе разрушения империй.

Среди всех империй, существовавших в истории, Российская Империя представляет собой особый интерес по многим причинам. Происхождение ее героично и имело два этапа: «русские — этнос XIII в., который складывался в обстановке чудовищного давления как с Запада, так и с Востока... Таким образом, создателей государства из русских выковали враги, но как этнос имперский — идея православного царства, миссия защитника христиан»¹¹.

Вместе с тем формирование имперского государства на Московской Руси (а это произошло примерно на два века раньше, чем Петр I принял титул «императора») вполне соответствовало общей парадигме христианской цивилизации. Как пишет Н. А. Нарочницкая, «в старину идея и весь комплекс понятий о «всемирной империи» принадлежали не светскому, политическому, но религиозному мировоззрению и отражали искание Спасения. Первые сочинения и интерпретация видений пророка Даниила и его толкований сна царя Навуходоносора о четырех царствах, последнее из которых — царство Антихриста, первые зачатки учения о Риме как царстве Христианской Истины пронизаны не идеей мирового господства или торжества, или превосходства, а спасения и относятся к разряду эсхатологической литературы... Учение о православном самодержавии... также исполнено духом служения и охраны праведной веры, но это лишь свидетельствует об общей пронизанности общественно-го и государственного сознания Московской Руси православным эсхатологическим толкованием мировой истории»¹².

Коллективное нашествие Европы на Московскую Русь, породившее страшный период, именуемый Смутой, не был всего лишь обычной агрессией с Запада, каковые повторялись регулярно — это была организованная попытка не допустить формирования самостоятельного цивилизационного пространства, которое могло бы продолжить имперскую миссию погибшей Византии. Европу Русь устраивала только в качестве полуколониальной периферии, но никак не в качестве Империи, способной включить в себя необъятные евразийские пространства. Но Московская Русь устояла и победила потому, что превратила Смуту в священную войну за веру. Именно в этот момент она и стала Империей в том сакральном, эсхатологическом смысле, о котором сказано выше. Иван IV Грозный принял царский, т. е. византийский императорский титул более чем за полвека до этого, а теперь сам народ словно принял титул «царского народа».

Следует отметить, что это событие отнюдь не означало «самоизоляцию». Н. А. Нарочницкая справедливо напоминает о том, что «с Ивана III уже можно говорить о европеизации Московской Руси в смысле широких контактов и взаимопроникновения культур», а «известные штампы о Петре побуждают приветствовать именно и только те петровские начинания, которые обрушились на сам строй и дух народной жизни»¹³. В данном случае как раз наоборот — именно образование Русью

⁸ Махнач В. Л. Империи в мировой истории // URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/mahn2.htm>

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. отношения, 2003. С. 118–122.

¹³ Там же. С. 130.



ДАРЕНСКИЙ Vitaliy Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации |

как Империей самостоятельного цивилизационного пространства впервые делало ее по-настоящему значимой для Европы, которая, впрочем, и позднее никогда не переставала воспринимать Россию в качестве своей неудавшейся колонии и предмета для покорения.

Образование российской цивилизации было исторически закономерно: оно было обусловлено объективной необходимостью общей самоорганизации огромных культурно разнородных пространств перед вызовом перманентной внешней агрессии. Поэтому «Русский мир» вобрал в себя множество этносов, ранее угнетаемых и уничтожаемых агрессивными соседями, что стало возможным благодаря уникальным государственно-образующим качествам русского народа, умеющего вступать во взаимовыгодный симбиоз с любым другим народом, даже независимо от его качеств и уровня развития. Как пишет одесский культуролог В. А. Дергачев, «Россия, объединившая Евразийскую степь, основала на ее западных и восточных границах с интервалом в столетие Одессу и Харбин... Здесь удалось создать комплиментарную модель, обеспечивающую социально-экономический прогресс, этнонациональную и этноконфессиональную терпимость на суперэтническом уровне»¹⁴.

Н. А. Бердяев отмечал: «Россия — самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины... Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увы! — чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойствен агрессивный национализм, наклонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других»¹⁵. Ни один из вошедших в состав Российской Империи этносов не только не исчез, но все они резко увеличились в численности и, как правило, увеличили территории своего проживания. Для сравнения следует вспомнить, в Западной Европе более половины из существовавших еще в начале Нового времени этносов были либо ассимилированы, либо уничтожены государствообразующими нациями (в частности, западные славяне, проживавшие на большей части территории нынешней Германии). Не говоря уже о том, что в процессе колонизации европейские народы почти полностью уничтожили население трех континентов — обеих Америк и Австралии — как правило, проводя по отношению к ним политику целенаправленного геноцида, которая прекратилась лишь к середине XX века. Наоборот, только благодаря вхождению в состав Российской Империи целый ряд этносов — в частности, украинцы, эстонцы, грузины, латыши, армяне, молдаване и др. — были спасены от геноцида и ассимиляции.

Русское национальное самосознание никогда не основывалось и в принципе не могло основываться на шовинизме — в противном случае Русь никогда не стала бы великой Россией. Великую державу невозможно создать насильем — даже при самой великопленной армии завоеванная территория не удерживается долго, если ее население не почувствует общую державу своей и не станет служить ей не на страх, а на совесть. История России также свидетельствует, что абсолютно пода-

вляющее большинство входивших в ее состав народов и территорий не только делали это добровольно, но и более того, долгое время просили и умоляли русского царя взять их под свою защиту. Еще более того, склоняясь на эти просьбы, царь очень часто шел против интересов своей державы, вовлекая ее в длительные войны с сильными соседями — исключительно из *нравственных побуждений* защиты единоверных братьев (как это было с Малой Русью или Грузией) или защиты малых народов от их не в меру хищных соседей (так чаще всего было с народами Азии, освобожденных Россией от ига ханств-наследников Золотой Орды).

В основе бытия православного царства как истинной Империи лежал принцип «священной правды-справедливости» (А. С. Панарин)¹⁶, не только допускающий, но даже обязывающий подавлять любые эгоистические и корпоративные интересы сословий и малых народов, входящих в ее состав. Однако для православной Империи такое подавление имело исключительно вынужденный, оборонительный характер. Его стараются избежать до самой последней возможности (например, в Царстве Польском все сословия имели больше прав и свобод, чем в остальной Империи, однако восставшей шляхте и этого было мало), — поскольку любое, даже справедливое, насилие разрушает основной принцип истинной Империи — принцип свободного единения. Православная Империя не создавалась и в принципе не может существовать на основе насилия, но только на основе добровольного принятия подвига имперского служения всеми входящими в нее народами. На этом подлинном типе имперского сознания основан ответ Ф. И. Тютчева тезису Бисмарка, высказавшему тайную суть любых лжеимперий, не только германской:

*«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спать его любовью, —
А там увидим, что прочней...»*

И российская история ясно свидетельствует, что Ф. И. Тютчев был прав, и что именно такая «спаянность любовью», то есть сугубо нравственным взаимоотношением народов действительно лежала в основе Российской Империи и была чрезвычайно прочной до тех пор, пока нравственные отношения не были подменены иными, корыстными. Примеров этому можно привести великое множество. В частности, спасение Малой Руси от польско-татарско-турецкого геноцида, благодаря чему фактически вообще ныне существует украинский народ как таковой, является самым характерным примером сказанного. Как писал А. Е. Пресняков, «Идеология Московского царства в эпоху царя Алексея еще окрашивает понимание державной власти и ее задач религиозно-нравственными началами... Церковно-религиозные мотивы вносит он в осмысление вопросов и внешней, и внутренней политики. Политическим соображениям А. Л. Ордина-Нащекина против борьбы за Малороссию и в пользу сосредоточения всех сил на Балтийском вопросе царь противопоставляет мысль, что непристойно, даже греховно по-

¹⁴ <http://www.dergachev.farlep.net/review/phenomena/index.html>¹⁵ Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Изд. МГУ, 1990. С. 8.¹⁶ Панарин А. С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М.: «Университет», 1999. С. 283.

ДАРЕНСКИЙ Vitaliy Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации |

кинуть «черкасское дело» высвобождения православной страны из иноверного владычества»¹⁷. Как ни убедительны были аргументы всей боярской думы, справедливо указывавшей царю на крайнюю невыгодность вмешательства в «польские дела» и связи с «черкасами», что не может не привести к затяжным кровопролитным войнам не только с Речью Посполитой, но и с Турцией (так оно и вышло), но царь был непреклонен в своем мнении: Малую Русь с Киевом — матерью городов русских — следует отвоевывать любой ценой, совершенно не зависимо от какой либо «выгоды», но исключительно из соображений совести и благочестия. К сожалению, современные украинские историки воспитаны на совсем иных понятиях и совершенно не способны представить себе, что войны могут вестись исходя из соображений совести, а не выгоды — и поэтому приписывают царю и «москалям» исключительно корыстные побуждения.

Достаточно сказать, что если даже при обороне объединенными силами на землях тогдашней Украины погибло и было продано в рабство не менее половины ее населения — наступила страшная Руина, после которой весь центр страны на сотни километров стал вообще необитаемым и спаслись лишь те, кто успел бежать на восток, под защиту русских границ. А что было бы, если бы русская армия в конце концов не изгнала бы турок, татар и поляков? Очевидно, что уже само существование южнорусского этноса, впоследствии названного «украинцами», есть результат самоотверженности Русского государства, вынужденного вести в течение десятилетий совершенно невыгодные для себя тяжелые войны с Польшей и Турцией ради спасения предков современных украинцев от прямого геноцида. Территория, контролировавшаяся войсками Б. Хмельницкого на момент их Переяславской присяги царю, составляет около 1/10 территории современной Украины, — все остальное было отвоевано для нее русской армией в течение нескольких веков, причем около половины ее современной территории вообще до этого не было заселено славянами.

На фоне этого не может не поражать безответственность нынешних украинских историков, которые фантазируют по поводу возможности создания независимого украинского государства в середине XVII века, чему якобы «помешала» переяславская присяга южнорусского народа московскому царю. На самом же деле такие «государства» создавались в этот период многократно, но именно они и оказывались настоящей бедой и катастрофой, приводя ко все новым и новым войнам и истреблению народа южными и западными захватчиками. Эти «самостийные» государства создавались авантюристами, думавшими исключительно о своей выгоде, а не о своем народе, которому приходилось за все это расплачиваться. Таковы все «герои» того времени — от Выговского до Мазепы. Последний из них в наиболее явственном виде воплотил соответствующий психологический тип, для которого, по выражению Н. Костомарова, характерна «внутренняя ложь» во всех поступках. Как писал этот историк-укаинофил, которого здесь трудно заподозрить в какой-либо предвзятости, Мазепа «перед Царем, выхваляя свою верность, лгал на малорусский народ и особенно чернил запорожцев, советовал искоренить и разорить дотла Запорожскую Сечь, а между тем перед малоруссами охал и

жаловался на суровые московские порядки... а запорожцам сообщал тайными путями, что государь их ненавидит и уже искоренил бы их, если бы гетман не стоял за них и не укрощал царского гнева»¹⁸. Однако, насколько ему верили сами запорожцы, можно судить уже по тому, что Мазепа всегда жил под защитой наемников-сердюков и московских стрельцов. Зато не знающая исключений верность самого южнорусского народа своему царю вполне понятна — только «московское войско» и было его единственным подлинным защитником от внешних и внутренних врагов. Москва, с XIV века в одиночку совершавшая великий подвиг спасения и собирания великой Руси, в 1654 году откликнулась на крик о помощи погибающих древних киевских земель и не побоялась ради них вступить в сражение с двумя могучими соседями.

В период до 1917 года Россия как государство: 1) в XVII веке спасла южнорусский этнос от геноцида и, вероятнее всего, полного исчезновения; 2) в XVIII-XIX веках предоставила ему уникальную возможность расселиться на огромных территориях и увеличиться в численности более чем в десять раз; ничто подобное было бы принципиально невозможно за пределами Русского мира, — там оставалась лишь роль самого отсталого и угнетаемого захолустья, каковым была, например, Галиция до середины XX века; 3) обеспечила более благоприятные условия социально-европейского развития, чем у любого другого центрально-европейского этноса. Поэтому количество выдающихся деятелей в различных сферах жизни — этнических южноруссов (украинцев), воспитанных в Российской Империи, — исчисляется тысячами.

В отличие от западноевропейских империй, военная экспансия для расширения Российского государства была не правилом, а исключением, всегда имеющим вынужденный характер обороны от внешних врагов. Основой расширения географии России всегда была мирная земледельческая колонизация малоосвоенных земель. В отличие от государств Западной Европы, которые захватывали огромные территории на других континентах исключительно в качестве эксплуатируемых колоний, Россия включала новые территории в свой состав в качестве полноправных провинций, сохраняющих внутреннее законодательство и самоуправление, а также часто наделенных множеством привилегий. Получая множество выгод от пребывания в составе Российской Империи (прекращение войн, развитие экономических и культурных связей), национальные окраины, как правило, несли намного меньшую нагрузку в распределении налогов и других обязанностей, чем государствообразующая русская нация. Этот феномен сохранился и в советский период, когда РСФСР была второй республикой по производимому ВВП на душу населения, но предпоследней по уровню потребления. Следует говорить о российской государственности как о почти уникальном в истории примере «империи-донора», для которой само деление на «колонии» и «метрополию» в западном смысле этих терминов абсолютно не применимо. *В Российской Империи всегда были только русский центр-донор и привилегированные этнические провинции. Хотя*

¹⁷ Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М.: Книга, 1990. С. 410.

¹⁸ Костомаров Н. И. Гетман Иван Степанович Мазепа // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга 2. Вып. 5. М.: Сварог, 1994. С. 482–483.



ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации |

в настоящее время Россия формально и не является империей, но этот принцип полностью сохраняется до сих пор.

Русский мир — понятие, к настоящему времени принятое для обозначения объективно сложившейся культурно-исторической общности этносов и населяемых ими территорий, в течение длительного времени находившихся под определяющим влиянием российской государственности и культуры. Включение отдельных регионов в состав российской государственности и цивилизационное пространство русского мира происходило в соответствии со следующими принципами. 1) Главный и основной — как следствие миграционных потоков славянского земледельческого населения на обширные пространства Евразии: Поволжья, Урала, Великой степи и Сибири. 2) Связанный с реализацией базовых нравственно-религиозных основ русской государственности — включение территорий с православным населением, подвергавшемуся опасности геноцида и ассимиляции — земли Руси западнее Днепра, Грузия, Армения. 3) Связанный с необходимостью поддержания геополитического баланса в противовес экспансии других мировых держав — Прибалтика, Средняя Азия (временно — Финляндия и центральная Польша). К настоящему времени все три названные принципа в значительной степени утратили свою актуальность и на первый план выступает принцип обеспечения самостоятельного развития в условиях кризисной экономики «третьего мира», демографического кризиса, и в начавшейся глобальной борьбе за ресурсы.

Какой же особый «имперский» тип человека лежал в основе российской государственности и чем он ценен в качестве исторического образца? Каковы объективные исторические основы формирования русского национального характера, особенности которого были многократно замечены и описаны непредвзятыми иностранцами? (Предвзятых и карикатурных также более чем достаточно, но обращаться к ним нет смысла). Об одном из таких случаев свидетельствует А. С. Пушкин в «Разговоре с англичанином»: «Я не знаю во всей Европе народа, — говорил англичанин, — которому было бы дано более простору действовать... Прочтите жалобы английских фабричных работников — волосы встанут дыбом... В России нет ничего подобного»; и на удивленный вопрос поэта: «Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным?» — англичанин отвечал: «Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения! Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?»¹⁹.

Современными исследователями доказано фундаментальное значение природно-климатического фактора для формирования русского национального характера (вторым фундаментальным фактором была специфика православной веры, а также необходимость постоянной обороны от внешних врагов). Первый фактор состоит в крайне тяжелых условиях ведения крестьянского хозяйства, а также выживания вообще: очень короткий период полевых работ (в 2–3 раза короче, чем в Западной Европе) и скудость почвы, заставлявшая постоянно «отвоевывать» ее у леса, что можно было сделать только общинным способом. Л. В. Милов отмечает: «Фундаментальные особенности ведения крестьянского хозяйства в конечном счете

наложили неизгладимый отпечаток на русский национальный характер. Прежде всего речь идет о способности русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации... всей своей физической и духовной потенции... Экстенсивный характер земледелия, его рискованность сыграли немалую роль в выработке в русском человеке легкости к перемене мест... чему не в последнюю очередь обязана Россия ее огромной территорией... С другой стороны, *тяжкие условия труда, сила общинных традиций, внутреннее ощущение грозной для общества опасности науперизации дали почву для развития у русского человека необыкновенного чувства доброты, коллективизма, готовности к помощи, вплоть до самопожертвования*»²⁰ [Выделено мной — В. Д.].

В силу крайне тяжелых климатических условий «в Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность самых «естественных потребностей» индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения хуже... Иначе говоря, объем совокупного прибавочного продукта обществ Восточной Европы был значительно меньше, а условия его создания хуже, чем в Западной Европе»²¹. Мизерный совокупный прибавочный продукт, который удавалось получить даже при героических трудовых усилиях, обуславливал особую трудность содержания государства, которое было крайне необходимо для защиты от внешних врагов. «Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта «всеобщих условий производства»»²². Но государство вынужденно было быть максимально мобилизационным.

Все это приводило к трагическому «надлому» в русском характере:

«Необычайно сложные природно-климатические условия основной исторической территории России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, сопряженных с высоким нервно-психологическим стрессом («страда»), имели... своим следствием не только поразительные трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского менталитета и характера, но и многие особенности, противоположные этим качествам. Отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определенного скепсиса к собственным усилиям, хотя они затрагивали лишь часть населения... *Приходится только удивляться, что категория равнодушных, не верящих в свои силы людей, да и просто опустившихся была незначительной. Что в целом народ русский даже в году жестоких и долгих голодных лет, когда люди приходили в состояние «совершенного изнеможения», находил в себе силы и мужество поднимать хозяйство и бороться за лучшую долю*»²³. [Выделено мной — В. Д.].

²⁰ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории, 1992, № 4–5. С. 39.

²¹ Там же. С. 40.

²² Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М.: РОСПЭН, 1998. С. 347.

²³ Там же. С. 346.

¹⁹ Пушкин А. С. Мысли на дороге // Соч. в 10-ти томах. Т. VI. Критика и публицистика. М., 1960. С. 395.



ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации |

Последствия этого «надлома» в полной мере проявляются уже в нашу эпоху, когда разрушена традиционная «героическая» трудовая этика. Поэтому не следует забывать о том, как этот «надлом» преодолевался. Крайне суровые природные и исторические условия, постоянно ставившие под вопрос само выживание русского народа, выработали особый *мобилизационно-жертвенный менталитет*, которому в наибольшей степени соответствовала как раз особая *православная культура смирения и нравственного подвига*, и поэтому «именно Православие отвечало духовным потребностям социума с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта, социума с общинной структурой консолидации в противостоянии Природе и внешним врагам»²⁴.

Маркиз де Кюстин, путешествуя по России, даже решился на такие выводы: «Никто более меня не был потрясен величием их нации... Мысли о высоком предназначении этого народа, последним явившимся на старом театре мира, не оставляли меня... Русский народ безмерно ловок: ведь эта людская раса... оказалась вытолкнута к самому полюсу... Тот, кто сумел бы глубже проникнуть в помыслы Провидения, возможно, пришел бы к выводу, что война со стихиями есть суровое испытание, которому Господь пожелал подвергнуть эту нацию-избранницу, дабы однажды вознести ее над многими иными»²⁵.

Современный исследователь, пользуясь иной терминологией, фактически утверждает то же самое: «Все эти моменты, связанные с особыми чертами российской государственности, были исторически неизбежны и породили своеобразие и самого российского общества, общества Великой России, с ее великой культурой и великим сосуществованием ее народов»²⁶.

Это, в частности, предполагало особую функцию государства как *создателя* общества. Такой характер цивилизации делает ее очень сильной внешне и очень уязвимой внутренне — на уровне *веры* в справедливость охраняющего ее государства. Эта глубинная особенность русской цивилизации, объясняющая исток ее исторического катастрофизма, была отражена в известной строке Ф. И. Тютчева «В Россию можно только верить». Только в этом контексте может быть адекватно понят и особый характер российской государственности (в том числе и отношение народа к ней не как к инструменту, а как к *ценности* почти сакрального порядка). Особо уязвимой для разрушительного воздействия враждебных сил всегда оказывалась именно *ценностно-смысловая* основа единства русской нации и самой российской государственности. Ни российское государство, ни даже сам русский народ никогда не возникли бы на основе одних лишь прагматических устремлений населения определенных территорий, но изначально включали в себя элемент бескорыстного служения высшей правде и самопожертвования в качестве главного мотива исторической жизни — т. е. такого мотива, без которого все остальное оказывается бессильными.

В свое время М. Волошиным была сформулирована парадоксальная связь и единство двух явлений: «Русская жизнь и государственность сплавлены из непримиримых противоре-

чий: с одной стороны, безграничная, анархическая свобода личности и духа, выражающаяся во всем строе ее совести, мысли и жизни; с другой же — необходимость в крепком железном обруче, который мог бы сдерживать весь сложный конгломерат земель, племен, царств, захваченных географическим распространением Империи. С одной стороны — Толстой, Кропоткин, Бакунин, с другой — Грозный, Петр, Аракчеев»²⁷. Соответственно, такой тип человека может заставить подчиняться такому государству только глубокая вера в его справедливость. Именно уязвимость веры в справедливость Государства является специфической причиной русских смут и революций, о чем В. В. Кожин писал так: «восстания населения на Западе, как правило, преследовали конкретные *экономические* цели; между тем, сотрясавшие Россию мощные бунты были, по слову Пушкина, “бессмысленными”, то есть не имевшими прагматических целей и, как убедительно доказывал Ключевский, порождались утратой веры в наличную Россию»²⁸. Эта уязвимость и хрупкость самой основы русского исторического бытия, парадоксальным образом обуславливающая внешнюю мощь державы и народа, в отдельные критические моменты истории выступает особо ярко.

К сожалению, пониманию подлинной природы российского государства, формировавшейся на протяжении многих веков как следствие всех указанных условий, всегда мешал идеологический миф о так называемом «русском деспотизме». Если же обратиться к реальной истории, а не к современным идеологическим клише, то тезис о «русском деспотизме» в сопоставлении с историей Западной Европы оказывается совершенно мифологическим. По этому поводу стоит назвать лишь ряд принципиальных фактов.

Так, крепостное право — западноевропейский институт, пришедший в Россию в ходе ее «вестернизации» (в особо жесткой форме — с эпохи Петра I); в Западной Европе он возник намного раньше и существовал намного дольше, охватывая намного большую часть населения, чем в России — и поэтому именно там, а отнюдь не в России мог оказать намного более существенное влияние на национальный характер. Более того, сам этот институт в России сохранил свой изначальный *нравственно-религиозный* смысл — смысл службы православному государству, а значит, исполнения долга перед Богом, а не людьми. Кроме того, сам термин «крепостное право» крайне мифологизирован. Что за ним стояло в реальности? Только то, что из 40–50 рабочих дней в году 10–15 крестьянин работал на «барина», а весь остальной год (а это 300 дней!) был фактически предоставлен самому себе и обычно занимался частным промыслом. Очевидно, что для современного человека такое «крепостное право» показалось бы скорее всего просто круглогодичным отпуском с небольшим перерывом.

Но еще важнее то, что основная масса русского народа и других народов Империи вплоть до революций XX века имела самый минимальный и опосредованный контакт с государством, поэтому степень его «деспотизма» для нее была вообще безразлична. Реально абсолютное большинство русского на-

²⁴ Там же. С. 345.²⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 году: В 2 т. Т. I. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 18; 237.²⁶ Милов Л. В. Великорусский пахарь... С. 347.²⁷ Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М.: Правда, 1991. С. 324.²⁸ Кожин В. В. Россия как уникальная цивилизация и культура. С. 38–39.

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Империя-донор: нравственный подвиг как основа российской цивилизации |

рода жило не в государстве, а в «миру» — общине, имевшей контакт с государством не напрямую, а через старосту и помещика. Отношения в общине строились на принципах морального авторитета ее членов, максимальной открытости и справедливости, — и именно это сформировало тот максимальный свободный, честный и искренний тип личности, которому так дивились иностранцы и который стал жизненным базисом великой русской литературы.

Вопреки широко распространенному «русобобскому» мифу, уровень репрессивности российской государственности до 1917 года был значительно меньше, чем у государств Западной Европы и США. Даже экстраординарные для российской политической истории действия Ивана Грозного по количеству жертв оказываются в несколько раз меньшими, чем действия многих западноевропейских монархов того же периода, и даже меньшими, например, чем количество жертв одной лишь Варфоломеевской ночи. В России никогда не было ничего подобного институту инквизиции или практике публичных пыток, существовавших в Западной Европе вплоть до начала XIX века. В период от восстания Пугачева до революции 1905 года Российская Империя была единственной в мире страной, в которой фактически не существовало смертной казни, применявшейся лишь в самых экстраординарных и единичных случаях. Классическим стало сопоставление казни нескольких декабристов, вызвавшей самый бурный и длительный резонанс, и казни без суда и следствия несколькими годами позже в Париже 11 тысяч рабочих, которую французское общество просто «не заметило». Количество жандармов, количество преступлений и количество заключенных по отношению к общей массе населения (а также количество потребляемого алкоголя на душу населения) до 1917 году в Российской Империи также было в несколько раз меньшим, чем в странах Западной Европы и США. К 1913 году Российская Империя имела самую гуманную систему трудового и уголовного

законодательства, и делила с Германией 3–4 места в мировом рейтинге экономического развития. Именно низкий уровень репрессивности государственной системы и национальная привычка к вольной жизни были причинами столь широкого распространения в Российской Империи революционных настроений, намного более жестко и системно подавлявшихся в европейских странах и США.

Очевидно, что Российская Империя достигла максимума того, что вообще было возможно достичь в столь суровых природных и исторических условиях жизни. В подобных условиях другие народы вообще не смогли создать государств и становились чьими-то колониями. В этом смысле Российская Империя представляет собой некое историческое чудо, а значит, хранит в себе колоссальный опыт, насущный для всех будущих поколений. В какой форме хранится этот опыт, как он может быть воспринят? Современный эквивалент Империи, лишенный ее политических атрибутов — это пространство большой культурной традиции, имеющей общепризнанное мировое значение, создающее огромную общность людей, проживающих в разных государствах, но относящихся к общему культурно-психологическому и ментальному типу. *Утрачивая свою внешнюю политическую «оболочку», подлинная империя сохраняет свой главный сущностный признак: это общее пространство созидания великой культурной традиции, имеющий свой, выработанный веками способ мировосприятия и порождения смыслов.* Фактически в таком виде почти все «бывшие» империи продолжают существовать и сейчас — вопреки как всем попыткам узкоэтнического самоутверждения, с одной стороны, так и «посткультурной» (В. В. Бычков) унификации мира — с другой. Даже в своем новом, «виртуальном» существовании империи остаются базовой культурной средой, несут в себе базовые «коды» и стимулы современного культуротворчества. И среди них российская имеет особую значимость — благодаря всем тем своим качествам, о которых было сказано выше.

